

WOMEN: LOVE, FAMILY, AND POLITICS

DOI 10.15826/qr.2024.2.893

УДК 930.2:003.074 + 94(470)"17" + 929Екатерина(470)*II + 82-6 + 316.346.2-055.2 + 37011.3

Женская индивидуальность и общественные конвенции эпохи Просвещения в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой*

Ангелина Вачева

Софийский университет им. Св. Климента Охридского,
факультет славянских филологий,
София, Болгария

Female Individuality and Social Conventions of the Enlightenment in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova

Angelina Vacheva

Sofia University St Kliment Ohridski,
Faculty of Slavonic Studies,
Sofia, Bulgaria

This article examines the interpretation of the theme of the manifestation of female individuality in mid-eighteenth-century Russia on the basis of the correspondence (1762–1774) between Valentin Jamerai-Duval, a French philosopher and autodidact in the Austrian service, and Anastasia Sokolova, a lady-in-waiting to Empress Catherine II, married to De Ribas. At the beginning of the correspondence, Jamerai-Duval's interest in Russia, like that of many Europeans, is based on inaccurate book sources and common stereotypes. Their conceptual motifs are “barbarism”, ignorance and violence, both in the family and in society. The dialogue between the two correspondents gradually overcomes these stereotypes. They discuss a wide range of issues related to the expression of

---

* *Citation:* Vacheva, A. (2024). Female Individuality and Social Conventions of the Enlightenment in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 523–538. DOI 10.15826/qr.2024.2.893.

Цитирование: Vacheva A. Female Individuality and Social Conventions of the Enlightenment in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 523–538. DOI 10.15826/qr.2024.2.893 / Вачева А. Женская индивидуальность и общественные конвенции эпохи Просвещения в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 523–538. DOI 10.15826/qr.2024.2.893.

the female personality: choice of spouse and celibacy, love and sensual pleasure in marriage; criteria of attractiveness (physical and mental beauty), following fashion and individual style, etc. Special attention is paid in the correspondence to the questions of women's education and intellectual development, in which reading plays an important role. The Russian-Turkish war of 1768–1774 reactivated the issue of violence against women, this time as a need to protect them from the despotism of the infidels in the Ottoman Empire. Ignorance and religious prejudice in the environment of the Old Believers are also seen by the correspondents as a manifestation of tyranny over women's personality.

Keywords: epistolary legacy, Russia, Valentin Jamerai-Duval, Anastasia Sokolova, woman, family, violence, upbringing

Рассматривается интерпретация темы проявления женской индивидуальности в России в середине XVIII столетия на материале переписки (1762–1774) французского философа-автодидакта на австрийской службе Валентина Жамре-Дюваля и камер-юнгферы императрицы Екатерины II Анастасии Соколовой, в замужестве Де Рибас. Интерес Жамре-Дюваля, как и множества европейцев, к России в начале корреспонденции основывался на неточных книжных источниках и расхожих стереотипах. Концептуальными для них являлись мотивы «варварства», невежества и насилия, проявлявшихся как в семье, так и в обществе в целом. В ходе диалога между обоими корреспондентами эти стереотипы постепенно преодолевались. Участники обсуждали широкий круг вопросов, связанных с проявлениями женской личности: выбор брачного партнера и безбрачие, любовь и чувственное наслаждение в браке, критерии привлекательности (физическая и душевная красота), следование моде и индивидуальный стиль и пр. Особое внимание в переписке уделялось вопросам женского образования и интеллектуального развития, важнейшую роль в котором играло чтение. Русско-турецкая война 1768–1774 г. реактивировала вопрос о насилии над женщинами, на этот раз как необходимость защитить их от произвола неверных в Оттоманской империи. Невежество и религиозные предрассудки в старообрядческой среде также рассматривались корреспондентами как проявление мужской тирании.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, Россия, Валентин Жамре-Дюваль, Анастасия Соколова, женщина, семья, насилие, воспитание

Переписка французского философа-автодидакта на австрийской службе Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) и камер-юнгферы Екатерины II Анастасии Соколовой, в замужестве Де Рибас (1741–1822), содержит обсуждение множества вопросов, которые позволяют пролить свет на представления, предрассудки, настроения образованных, но не высокопоставленных рядовых людей эпохи. Сквозная тема в письмах обоих корреспондентов (как опублико-

ванных¹, так и хранящихся в архиве писем Жамре-Дюваля [РГАДА. Ф. 181]) – Россия в ее историческом, политическом и культурном своеобразии². В этом комплексе проблем весомое место занимает «женская» тема.

Переписка начинается с выражения благодарности за знакомство и интересные беседы и продолжается как галантный диалог между обоими участниками. Обмен светскими любезностями исполняет роль своего рода основы, на фоне которой обсуждаются все прочие вопросы, волновавшие корреспондентов. Помимо неизгладимого впечатления, которое произвела на стареющего Дюваля (и не только на него) очаровательная живая двадцатилетняя Анастасия, не вполне вписывавшаяся в венский придворный этикет, этот контакт был ценен для философа и как источник сведений о стране, занимавшей его воображение. Можно сказать, что интерес Дюваля к судьбе женщин в России был вызван его желанием узнать как можно больше о загадочной незнакомой стране, «варварский» образ которой строился на стереотипах, в том числе и на эту тему.

Представления Дюваля, как и многих европейцев того времени, основывались преимущественно на редких путевых заметках прошлого, а также зависели от художественной литературы. Главную роль при этом играли «Персидские письма» Ш.-Л. Монтескьё, и прежде всего глава 51, в которой приводится письмо, полученное Узбеком от персидского посла в Петербурге Наргума [Монтескьё, с. 129–132]. В центре письма – обличение русского «варварства» через описание семейных и любовных отношений, в которых насилие над женщиной – норма. К тому же грубое отношение и ежедневные побои мужьями жен представлены как желанные, знаменующие привязанность и любовь. Подобные стереотипы повторялись и в других текстах эпохи, а общая грубость и невежественность нравов связывались также с политической атмосферой в стране. Примером может послужить эпизод из «Путешествия в Сибирь» аббата Шаппа д’Отероса о казни графини Лопухиной, обсуждаемый Жамре-Дювалем в неизданном фрагменте одного из писем:

Признаюсь, что те (иллюстрации к эпизоду. – А. В.), что представляют наказание красивой графини Лопухиной, и то, как 4 палача обезображивают юную девушку батогами, возмутили меня до крайности. Ужас-

¹ Переписка была издана впервые в 1784 г. в Страсбурге известным дипломатом времени Екатерины II Ф.-А. (Ф. И.) Кохом и переиздана им же в 1785 г. в Лондоне. В 1792 г. появился ее немецкий перевод. Следующее издание состоялось в 2019 г. в контексте публикации общей корреспонденции В. Жамре-Дюваля и было осуществлено Андре Курбе [Duval; Jamerey-Duval, 2019]. На русский язык она не переводилась. В 1916 г. С. Н. Казнаков осуществил частичную публикацию писем А. Соколовой [Казнаков]. Настоящая статья является частью работы над межуниверситетским проектом по критическому переизданию переписки с участием Ханса-Юргена Люзебринка (Университет Саарланда) и Ангелины Вачевой (Софийский университет им. Св. Климента Охридского) при поддержке Gerda Henkel Stiftung.

² Тема была затронута на страницах данного научного журнала. См.: [Вачева, 2018].

но, что среди человеческого рода находятся такие монстры, способные придумать мучения более страшные и менее переносимые, чем смерть. Такую свирепость можно предположить только среди демонов [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 182 об.]³.

В одном из первых своих писем философ выражает надежду:

Когда супружество свяжет вас, как я этого желаю, с мудрейшим и богатейшим Адонисом Российской империи, пусть он не любит вас так печально, как, согласно «Персидским письмам», русские дамы хотели бы, чтобы их любили. Я свято верю, что если почувствую это, я закричу, и, несмотря на расстояние, которое нас разделяет, руки вашего дорогого супруга утихомятся скорее на мне, чем на вас [Duval, t. 1, p. 129].

Эта мысль повторится и несколько позже, хотя философ уже выражает надежду, что такие супружеские отношения

...уже не в моде, так как по воле гения, правящего Россией, нравы настолько смягчились, что остальная часть Европы не пропустит случая черпать уроки гуманности, особенно когда мудрость предоставит ей силу и прочность законов [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 53].

Примечательно, что мнение о смягчении нравов выражает в своем сочинении и Монтескьё.

Однако рассуждения об образе жизни русских женщин в письмах вскоре переходят к разговору на принципиальные темы – о женском образовании, писаных и неписаных правилах поведения женщин в семье и обществе. В этом диалоге преобладает мужской голос. Нам, наверное, уже не удастся услышать голос его собеседницы, послания которой утрачены навсегда. «Строжайшая цензура» [Казнаков, с. 5] при публикации переписки по сентиментальным причинам безосновательно приписывается Соколовой⁴. Это объяснение скрывает истинные намерения первого издателя Ф.-А. (Ф. И.) Коха, реализовавшего хорошо обдуманый проект, в котором Соколовой отводилась «поддерживающая» роль, а на передний план выступали успехи екатерининского царствования [см.: Вачева, 2020b]. О содержании многих ответов Соколовой можно судить не с ее собственных слов, большей частью подвергавшихся цензуре, а опять-таки по письмам ее венского корреспондента.

Надо отметить, что Жамре-Дюваль, несмотря на длительное к тому времени пребывание при одном из блистательнейших дворов Европы, оставался «дикарем», «белой вороной», подчеркивавшей свою неуклюжесть и незнание придворных правил поведения. Он отлично

³ По причине отсутствия перевода творений Жамре-Дюваля на русский язык перевод рассматриваемой корреспонденции и прочих текстов здесь и далее мой. – А. В.

⁴ О контексте публикации переписки в 1784 г. см.: [Вачева, 2020b].

осознавал уникальность своего жизненного пути и личности⁵ и всячески стремился поддерживать это впечатление о себе и не сливаться со средой других придворных. В отличие от него, А. Соколова была, по впечатлениям Дюваля, «рождена для двора» [Duval, t. 1, p. 163]. Однако философ старался предупредить ее об опасностях «скользкого» придворного паркета, который в этом отношении превосходил замерзшие Неву и Ладогу [Ibid., p. 138]. Он надеялся, что острый воздух двора не причинит ей головокружения и она не позволит, чтобы великолепие и блеск ослепили ее [Ibid., p. 160].

Обращает на себя внимание несколько амбивалентное отношение философа к представительницам прекрасного пола – с одной стороны, он интересуется женщинами, обладающими красотой и интеллектом, с другой, как будто отказывает им в индивидуальности и самостоятельной значимости их личности.

Жамре-Дюваль так и не создал своей собственной семьи. В письме к Соколовой он объясняет это так:

Почему? Потому что у меня на это не было времени; потому что судьба отказала мне в средствах, которыми я мог бы сделать женщину счастливой; из-за того, что, не имея возможности иметь двоих, я бы погиб от тоски, если бы потерял одну из них, а оставшаяся не могла бы утешить мое отчаяние; так как мне верно сказали, что в определенном возрасте было бы очень трудно быть единственным собственником хорошенькой Биби; так как, выросши в лесу, я не знал, что такое любовь в свете... [я искал] любовь действительно интеллектуальную и мистическую, придуманную скорее для ангелов, а не для людей... [Ibid., p. 168–169].

В автобиографии же Дюваль объясняет это свое решение одной-единственной причиной – желанием сохранить независимость и не стать рабом чужой прихоти. Напуганный в юности яростью и злобой одной жены фермера, он поклялся в себе: «я никогда не буду подчиняться ни одной женщине, как если бы все остальные были ее

⁵ Валентин Жамре – крестьянин по происхождению, выходец из самых низов французского общества. После ухода из родительского дома в 14 лет, долгих скитаний и пребывания в разных монашеских скитах ему удалось обучиться грамоте и привлечь внимание людей из свиты лотарингского герцога. Получив образование в университете в Понт-а-Муссоне, он служил библиотекарем и преподавателем истории в Люневильской академии, приняв псевдоним Дю Валь (из долины). После бракосочетания Франсуа (Франца) Лотарингского и Марии-Терезии Австрийской и обмена Лотарингии на Тоскану последовал за своим господином сначала в Италию, а потом и в Вену. Служил при венском дворе в качестве директора Императорского медальерного комитета и принадлежал к ближайшему интеллектуальному кругу императора Священной Римской империи германской нации Франца, а после смерти последнего пользовался покровительством императрицы Марии-Терезии и Иосифа II. Дважды отказывался от предложенного ему дворянства и от положенных ему придворных привилегий, дорожа своей независимостью от сильных мира сего. Был признанным авторитетом в области фалеристики и нумизматики, а служба при дворе и обширные знания во многих областях позволили ему завести знакомства со многими представителями европейской интеллектуальной и социальной элиты, в том числе и русской.

соучастницами» [Jamerey-Duval, 1981, p. 149–150]. В другом фрагменте автобиографии философ прямо заявляет, что не будет подчиняться никому из смертных [Ibid., 247].

Чувствуя себя неуютно на придворном паркете, бывший крестьянин увлекался красавицами, его особенно привлекали те из них, которые отличались образованностью и одухотворенностью, такой была и его русская корреспондентка. Однако его связи оставались, насколько можно об этом судить по его огромной переписке, платоническими, что не мешало ему трагически переживать разлуку с предметами своих увлечений и их замужество⁶. В то же время у него была одна странность: всех женщин, независимо от их положения в обществе, интеллекта, близости с ними, он называл не по имени, а Биби. Это иногда доходило до крайностей в случаях, когда упоминаются августейшие «Биби» – императрицы Мария-Терезия и Екатерина II. А. Соколова, может быть, наиболее известная из всех «Биби» Жамре-Дюваля, который лишь изредка в письмах называл ее имя (Анастасия или Настасья), говоря о ней в третьем лице, но никогда не использовал другого обращения. Биби в письмах к Соколовой – «любезная», «торжествующая», «волшебная», «замечательная», «услужливая», «щедрая», «благородная» и пр. Себя Дюваль именовал «австразийским Коридоном» или «деревенским Коридоном» (*Coridon d'Austrasie; Coridon champêtre*), «деревенским философом» (*philosophe champêtre*)⁷. В некоторых случаях он сравнивает себя с другим пастухом – Тирсисом, героем Торкватто Тассо. Эти прозвища, заимствованные из популярных идиллий, пасторалей, поэм, отвечают характерной особенности придворной культуры с ее акцентом на изящные развлечения. В то же время прозвища Дюваля в письмах к Соколовой всегда содержат в себе напоминания о его деревенском происхождении, «лесном» прошлом и неотесанности в светских делах.

В отношении Жамре-Дюваля к Соколовой запоздалая влюбленность переплетается с отеческой заботой. Тоска по далекой возлюбленной, отсутствие надежды на встречу, воспоминания, тоска по молодости и сетования на разницу в возрасте и расстоянии, разделяющие их, – все это эмоции, пронизывающие письма старого философа, который создает в своем воображении идеализированный образ Биби-Анастасии. Перед далекой русской корреспонденткой он не боится своей неотесанности, отсутствия светскости. Его неуклюжий «галантный» стиль нередко переходит допустимые границы в интересе к личному пространству молодой незамужней девицы. С другой стороны, ни с кем из других корреспондентов он не был так откровенен в отношении

⁶ Об этом свидетельствуют «соболезнования», которые высказывал по этому поводу в письме к Дювалю его друг, известный деятель круга энциклопедистов Александр Делейр [см. об этом: Jamerey-Duval, 2019, p. 93].

⁷ Коридон – популярный персонаж пасторальной драмы Дж. Б. Гуарини «Il pastor fido», безнадежно влюбленный, но верный предмету своей страсти пастух. Австрия – древняя область в Западной Европе, занимавшая территории сегодняшних Лотарингии, Бельгии и западногерманских провинций.

неудач в личной жизни. Это доверительное отношение первоначально было вызвано биографической легендой Соколовой о ее плебейском происхождении⁸. Философ видит в пленившей его барышне не только прелестную красавицу, отличающуюся живостью характера и обладающую умом и знаниями, но и человека, близкого ему по происхождению, а предположительно – и по своему отношению к миру.

Что же касается присутствия женской темы в рассматриваемой переписке, можно обозначить несколько кругов вопросов, которые оба корреспондента активно обсуждали. В первую очередь это проблема свободного выбора девушкой брачного партнера, ее положение в семье, отношения с возлюбленным, ее право на любовь. Во-вторых, это тема воспитания девушек, необходимость развития их ума, круг чтения, который развивает их духовно. Это также вопрос о качествах прекрасных дам, о том, что составляет женскую красоту и привлекательность. В-третьих, это проблемы свободы женщины в обществе и неуважения по отношению к женской личности. В этом случае предметами рассуждений обоих корреспондентов становятся судьба одалисок, заключенных в сералях, и, как это ни парадоксально, жизнь женщин в старообрядческой среде. Вне внимания в настоящей статье останется образ императрицы Екатерины II⁹, государственная деятельность которой – объект специального интереса обоих корреспондентов, обсуждающих основные события ее правления вплоть до последних месяцев жизни философа.

Единственное женское амплуа, которое практически отсутствует в переписке, материнство. Это, вероятно, можно объяснить индивидуальным опытом ее участников. Дюваль изредка и с большим огорчением упоминает в мемуарах свою мать. У А. Соколовой, выросшей без матери¹⁰ и с самого раннего детства находившейся под опекой других людей, также не было такого эмоционального опыта.

В начале переписки естественное любопытство Жамре-Дюваля было направлено на образ жизни привлекавшей его внимание русской

⁸ Общеизвестным в то время было мнение, что Анастасия Ивановна Соколова была внебрачной дочерью выдающегося деятеля екатерининской эпохи И. И. Бецкого, в доме которого она продолжала жить и после своего замужества с Иосифом де Рибасом. Об этой оборотистой даме русского двора, приближенной к Екатерине II, получившей заботами сестры Бецкого принцессы Анастасии Ивановны Гессен-Гомбург и ее дочери кн. Екатерины Дмитриевны Голицыной, урожденной Кантемир, блистательное воспитание в Париже, было создано несколько биографических легенд: то она черкешенка по происхождению, родившаяся в Поволжье, в Астрахани, то дочь художника Соколова, взятая благотельницами на воспитание, и пр. Несмотря на многократные вопросы о ее месте рождения и происхождении, Жамре-Дюваль так и не получил на них ответа.

⁹ О нем см. наши предыдущие публикации: [Вачева, 2018; Вачева, 2020b].

¹⁰ Нельзя утверждать с уверенностью, кем же была мать А. Соколовой. Наиболее обоснованные предположения касаются полковничьей вдовы Екатерины Ломан, которая постоянно проживала в доме И. И. Бецкого и которую вельможа упомянул в своем завещании [Майков, прил., с. 195]. Шевалье де Корберон в своих записках упрекает г-жу Де Рибас в непочтительном и грубом отношении к матери [Corberon, p. 144].

барышни. Контраст между его книжными, основанными на стереотипах знаниями о жизни русских женщин и ее очаровательным и живым поведением, не вполне вписывающимся в этикет венского двора, заставляет философа интересоваться развитием ее судьбы, перспективами замужества, будущими семейными отношениями. Кроме того, этот сюжет предоставляет возможность обсудить с корреспонденткой социальные аспекты гендерных отношений, проблемы любви, семьи и брака, предрассудки и общественные ожидания по их поводу.

Жамре-Дюваля волнует вопрос выбора, который должна сделать его Биби между супружескими утехами с неизвестным ему «русским Адонисом» и жизнью «весталки», то есть незамужней девицы или монахини:

Я досажую, что русский Адонис, которого я вам желаю, находится далеко, как вы говорите, но буду совсем в отчаянии, если он исчезнет, так как рано или поздно вы его встретите. Прельститесь ли вы тем, чтобы посвятить себя Диане, то есть остаться весталкой на всю жизнь? Это намерение красиво и очень достойно такой смелой Биби. Так вы сохраните свою свободу, наиболее ценное сокровище на свете, и избежите необходимости терпеть рабство, которое знаменитый Мольер описал словами

Ваш пол – таков закон – рожден повиноваться;
 Нам, с бородой, дана и власть распоряжаться.
 Хоть половины две в себе вмещает свет,
 Но равных прав у них не может быть и нет,
 Одна верховная, другая ей покорна,
 Во всем послушна той, чье первенство бесспорно¹¹
 [Duval, t. 1, p. 142].

Эта реплика Арнольфа из «Школы жен» Мольера становится своеобразным лейтмотивом переписки. Она повторяется, когда речь заходит о мужском доминировании и об отсутствии особого выбора для женщин.

Для собеседника Соколовой существенен вопрос о том, какого человека она выбрала бы в супруги. Соблазнится ли она напудренным «Адонисом», причесанным и франтовски одетым, не попадет ли в ловушку подобного молодого человека, ослепившего невинную девицу своим блеском? Поставив вопрос о выборе спутника жизни, автор переходит в том же письме к нравственным принципам корреспондентки. Жамре-Дюваль интересуется отношением собеседницы к немощным старикам, инвалидам, ставшим такими на поле брани, к вдовам и сиротам и заявляет свое намерение быть настоящим Аргусом, следящим за ее поведением. Философ высоко ценит относительную экономическую независимость женщины

¹¹ Перевод стихов из кн.: [Мольер, т. 2, с. 65].

в браке, возможность достойно вступить в семейный союз. В одном из писем он упоминает, что по его воле в его завещание включены деньги на приданое двум бедным девушкам из его родной деревни [Duval, t. 1, p. 165].

Брак по любви является единственно допустимым вариантом в восприятии обоих корреспондентов. Любовь мыслится ими не только как проявление родства душ, взаимного уважения и взаимопонимания. Чувственная сторона брачной жизни также много занимает обоих собеседников. Опираясь на опыт прожитых лет, Жамре-Дюваль многократно советует корреспондентке найти такого «блондина», с которым бы она испытала все наслаждения любви, и «спастись от удручающего и скучного девства» [Ibid., p. 160]. В контексте галантного диалога он не чуждается таких высказываний и намеков, которые, наверное, вводили в краску его далекую собеседницу. Известная доля эротизма была вполне допустима светскими конвенциями времени.

Философ играет в письмах роль ревнивого и страстного влюбленного. В одном из оригиналов писем можно даже увидеть нарисованные им две подушки, которые символизируют возможный брак с Анастасией и уготованное им наслаждение [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 173]. В подобных эпизодах он тут же иронизирует над собой, над своей застенчивостью, «дикостью», не боясь рассказывать нелестные эпизоды из своей жизни. Это повторяющийся в нескольких посланиях и подробно изложенный в мемуарах рассказ о злосчастной попытке в молодости умерить объявивший его любовный пыл по примеру св. Жерома отваром из цикуты, нанесшим непоправимый вред его здоровью, или же насмешки его господина императора Франца, подтрунивавшего над ним за то, что он позволил своей «прекрасной русской» уехать, так и не поцеловав ее. Эти эпизоды жизни злополучного Коридона, его самоирония содержат глубокие послания, касающиеся интимной жизни человека: не надо подавлять естественные импульсы и страсти, надо следовать своей природе.

Надо сказать, мадмуазель Анастасия не осталась в долгу. Несмотря на цензуру, которой подверглись ее письма, ее ответы показывают, что она ловко отшучивается, в совершенстве владея искусством галантного светского диалога¹². Соколова то великодушно «прощает» провинившегося обожателя, то иронизирует над его желанием иметь ее мраморный бюст, опасаясь, что бедный старый философ может простудиться, держа его в постели, что серьезно пошатнет его здоровье [Duval, t. 1, p. 249].

Оба корреспондента часто дискутируют не только по вопросам любовных и супружеских отношений. Один из сюжетов, которые

¹² О значимости этого стиля светского общения при екатерининском дворе см.: [Акимова].

занимают их на протяжении всей переписки, – достоинства прекрасных «Биби». В первую очередь это физическая красота, но также естественность поведения и отказ от слепого следования моде. В одном из первых писем Жамре-Дюваль пишет:

Вы знаете, что в Париже почти у всех дам один и тот же цвет лица. Я хотел бы знать, достигла ли эта отвратительная мания России и знаете ли вы, как от нее предохраниться? Я видел здесь когда-то несколько русских дам, которых я принял за ангелов, чего не случилось бы, если бы их великолепные лица были усеяны мушками и испорченны белилами и румянами [Duval, t. 1, p. 145].

По его мнению, женская красота подчеркивается не новомодными платьями и всякими помпонами, бантами и прочими украшениями. Для него гораздо интереснее национальный костюм, который позволяет выявить естественную красоту дамы, поэтому он просит Анастасию прислать ему свой портрет в одежде черкешенки или грузинки [Ibid., t. 2, p. 30]. Этот акцент на индивидуальность является проявлением новых тенденций в интерпретации человеческой личности, которые зарождаются в эту эпоху. Философ часто вспоминает непоседливую Анастасию, вечно находящуюся в движении:

Биби, которая ходит взад и вперед, поет, прыгает, танцует, беспрестанно смеется и не обращает внимания ни на что, кроме добродетели, должна, однако, думать о вере, чтобы воспользоваться счастливой ситуацией, в которую ее поместило провидение [Ibid., t. 1, p. 163].

Внимание старого философа к прекрасной соседке по театральной ложе, где состоялось знакомство обоих корреспондентов, привлекло ее смущение от внимания со стороны императрицы Марии-Терезии, разглядывавшей покрасневшую русскую гостью в лорнет. По мнению Жамре-Дюваля, «никогда лилии и розы не производили нюансов лучше тех, которые горели на вашем лице» [Ibid., p. 138]. Среди качеств, которые он более всего ценил в собеседнице, ее откровенность и непосредственность, о которой сама мадмуазель Анастасия говорит так:

Мне нравится моя природная жизнерадостность. Моя первая забота, когда я вхожу в туалетную комнату ее величества, говорить все, что приходит мне в голову, не смущаясь, если меня слушают: это верный способ занять слух придворного, всегда жаждущего новостей. Я умею забавлять их, говоря чистую правду, которую они принимают за утонченность. Я рассказываю своим товарищам сказки, чтобы округлить их вытянутые лица; я объявляю ее величеству всех, кто приходит, после того, как хорошенько оглушу их. Таковы служебные обязанности блаженной Биби; да, мой друг, она такая, потому что ей доставляет удовольствие радовать вас и покорять такое сердце, как ваше [Ibid., t. 2, p. 106].

Директор Медальерного кабинета при венском дворе был очарован не только красотой, но и умом и образованностью русских посетительниц – графини Е. П. Шуваловой, А. М. Строгановой, самой Соколовой, а также тем, что он знал о ее покровительницах – принцессе А. И. Гессен-Гомбург и княгине Е. Д. Голицыной. Особенно сильное впечатление на него произвели воспитание, ум и искренность Анастасии, которых философ не подозревал в русской барышне: «Я был удивлен, что в вашем возрасте Биби, родившаяся на диких берегах Танаиса (Дона) или Волги, говорила только на чистом языке вежливости и разума» [Duval, t. 1, p. 154–155].

Такой эрудит, каким был Дюваль, считает просвещение ума прекрасных дам обязательным условием их социального успеха и непрерывным процессом, который не заканчивается с юностью. В переписке философ занимает характерную мужскую роль наставника, который старается направлять и развивать мышление своей корреспондентки. В начале обмена письмами он интересуется, продолжает ли читать удивившая его своими знаниями и рассуждениями юная дама, сколько времени она уделяет чтению и, главное, что читает. Он считает, что как она украшает каждый день наилучшими бантами и бриллиантовыми булавками свою прическу, так же надо позаботиться и о добродетелях ума и сердца, так как душа нуждается в ежедневном уходе [Ibid., p. 145]. Его интересует, увлекается ли она лишь легкими романами типа приключений принца Фанфередина¹³ или же склонна читать серьезные книги. Он высказывает неудовольствие тем, что корреспондентка не поддерживает уровень знания французского языка, ранее являвшийся блестящим, и допускает непростительные орфографические ошибки:

Прошу любезную Биби сообщить мне новости о себе и [объяснить], почему после своего возвращения из Парижа она так сильно пренебрегает французской орфографией. Если бы я был рядом, то каждая ошибка наказывалась бы поцелуем – верное средство заставить ее быть безгрешной [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 108].

Интересно, что выросшая на периферии блестящей французской интеллектуальной и артистической элиты середины XVIII в.¹⁴ Соколова сначала очевидно подыграла этой претензии старого философа. Из одного из первых писем видно, что она отлично сыграла роль невинной девушки, благодаря нового венского знакомого за предо-

¹³ Роман Г.-Х. Бужана.

¹⁴ Соколова была ученицей знаменитой в то время трагической актрисы мадмуазель Клерон, состоявшей в близких дружеских связях с госпожой Жоффрен и княгиней Е. Д. Голицыной, князем Д. М. Голицыным, И. И. Бецким. К этому кругу была причастна и пребывавшая тогда в изгнании княгиня Иоганна-Елизавета Ангальт-Цербстская, мать Екатерины II [см.: Бильбасов, т. 1, с. 545–617]. В письмах русской императрицы к госпоже Жоффрен упоминается переписка между хозяйкой престижного парижского салона и камер-юнгферой русского двора [см.: Письма императрицы Екатерины II к г-же Жоффрен, с. 262].

стережение не читать какой-то «опасный» для добродетели французский роман [Duval, t. 1, p. 155]. С течением времени камер-юнгфера императрицы, основная обязанность которой при дворе состояла в том, чтобы занимать беседами посетителей, ожидавших приема, показывает, что она не случайно была выбрана для этой роли. Соколова демонстрирует широчайшую осведомленность в самых разных областях. Она хорошо знает не только античную классику, но и современную литературу¹⁵, разбирается в искусстве, но также и в научных трудах своего времени по географии, истории, философских сочинениях и пр. Сам факт того, насколько удачно и с учетом интересов корреспондента она подбирает ему подарки и ведет, вероятно, не без содействия своей высочайшей покровительницы своеобразную «дипломатию», выгодно представляющую Россию и ее разнообразную культуру перед венскими друзьями и покровителями Дюваля, говорит о ее уме и умении и понравиться адресатам, и использовать представившуюся ситуацию.

Читательский репертуар, обсуждавшийся в переписке на протяжении всех 13 лет обмена посланиями, чрезвычайно богат и разнообразен [см.: Вачева, 2020a]. Дюваль рекомендует ей многие заглавия для чтения и рассыпает по письмам цитаты из литературных текстов, очевидно, рассчитывая на хорошее их знание со стороны собеседницы. Таким образом, диалог становится сравнительно равноправным. В дошедших до нас ответах Соколова изъясляет свое мнение, которое может в некоторой степени противоречить мнению ее «ментора». Особенно показательным является мнение, высказанное ею по поводу «дуэли» аббата Шаппа д'Отероша и пока что анонимного (для нее) автора «Антидота». Трудно сказать, имела ли какое-то представление камер-юнгфера о том, что ее сиятельная покровительница и есть автор «Антидота», но она выражает свое неудовольствие и от «Путешествия в Сибирь» аббата д'Отероша, и от анонимно опубликованного ответа на него: «Я читала “Антидот” и аббата де Шаппа; и в обоих истина отсутствует, и они мне совсем не нравятся» [Duval, t. 2, p. 177]. Другое издание, сильно не понравившееся камер-юнгфере, чтение которого ей кажется потерянным временем, четырехтомная «История иудейской войны» Иосифа Флавия [Ibid., p. 209].

Жамре-Дюваль с исключительным интересом следил за воспитательными программами образовательных институций, основанных по инициативе И. И. Бецкого, – Воспитательного дома и Смольного института благородных девиц. Его корреспондентка с гордостью заявляет: «Все те, кто видел Сен-Сир и прочие подобные учреждения, говорят, что наши их превосходят и невозможно их сравнивать» [Ibid., p. 316]. Жамре-Дюваль читает с интересом уставы обоих учреждений

¹⁵ Одним из средств, которыми госпожа Де Рибас производила неизгладимое впечатление на современников, было ее умение цитировать длинные пассажи из произведений Вольтера, усвоенное от ее учительницы мадмуазель Клерон, прославленной исполнительницы центральных женских ролей в трагедиях фернейского мудреца.

и, как показывают не вошедшие в печатный вариант отрывки из его писем, знает достаточно хорошо дела Смольного. В 1769 г. его сильно занимала отставка в результате недостойной интриги первой директрисы института княгини Анны Сергеевны Долгоруковой. Это заставляет философа порассуждать о возможной кандидатуре новой руководительницы и нужных ее качествах:

Но если прославленная принцесса, которая по своему рождению и своим заслугам какое-то время возглавляла благородное сообщество, ушла из нее, утомленная, как говорят, мелкими придирами и глухими интригами человека ее пола, но занимающего гораздо более низкое положение в обществе, признаюсь, я не мог не быть чувствительным к этому. Я много раз думал, что если бы в России нашлась вдова средних лет довольно высокого ранга, которая хорошо справлялась бы со всеми обязанностями, связанными с домашним хозяйством, внушительная величественная фигура, к тому же обладающая моральными и гражданскими качествами, в отношении которых ваш пол более чувствителен, чем наш, и если бы из любви к родине она посвятила себя формированию нравов вашего прославленного сообщества, я бы с уважением посмотрел на нее как на второго человека в вашей империи. Но где ее найти? Несомненно, между небом и землей, потому что в этом мире есть все. Тот, кто сказал «Ищите, и обрящете», знает, что говорит [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 190].

Особенно интенсивно рассматриваемая переписка происходила в последние годы жизни Жамре-Дюваля, совпавшие с русско-турецкой войной 1768–1774 гг. При помощи своей корреспондентки философ старался получать из первых рук информацию о развитии военных действий. Оба участника эпистолярного диалога пристально следили за каждым событием противостояния России и Османской империи. В письмах находит прямое отражение официальный российский дискурс в интерпретации войны как борьбы за восстановление античного наследия, освобождение христиан и победу над неверными. Кроме того, Дюваль видит в желанной победе над турками многие возможности для торговли и экономического сотрудничества России и Европы. Помимо множества других тем, война 1768–1774 гг. активизирует женскую тему.

Уже звучавшая ранее тема мужского доминирования и насилия над женщинами приобретает новые измерения. В интерпретации корреспондентов на этот раз жертвами варварства являются заключенные в сералях одалиски, а также многочисленные пленницы турак, татар и черкесов. Например, оба участника диалога пристально следят за освобождением войсками генерала Тотлебена из плена из 50 русских женщин, захваченных в пределах Российской империи.

Письма периода войны выдержаны в игровом тоне. Само начало войны представлено как желание великого визиря или султана захватить прекрасную Анастасию, чтобы иметь ее в серале. Сама Анаста-

сия уподобляется второй Роксолане и в качестве любимой султанши собирается дать волю невольницам. Она считает, что всем европейским женщинам надо объединиться и уподобиться амазонкам, вооружившись с ног до головы, чтобы помочь освобождению своих сестер из оттоманского плена [Duval, t. 2, p. 176]. До осуществления этого намерения в качестве любимой наложницы султана она собирается завести «комедию» (театр), которого нет у нецивилизованных турок, и позаботиться о сестрах по судьбе. Философ, в свою очередь, сомневается, что ей удастся, как первой Роксолане, дать свободу 400 или 500 соперницам и изменить фундаментальные законы Оттоманской империи [Ibid., t. 1, p. 312]. Иронический тон подобных заявлений в письмах обоих корреспондентов находится в параллели с официальным дискурсом российской политики того времени, который ставил акцент на непросвещенности, глубоком варварстве, жестокости противника, то есть на тех стереотипных представлениях, которые традиционно доминировали в отношении России.

Обсуждение невежества и грубых нравов как средств подавления женщин присутствует в переписке также в контексте, связанном со старообрядчеством, к которому Жамре-Дюваль испытывает сильный интерес. Философ так и не может понять трагедию русского раскола и воспринимает его исключительно через призму семейных отношений. В его восприятии старообрядчество, отвергнутое официальной церковью и лишенное официальных религиозных ритуалов, аналогично разврату и предполагает унижение женской личности. Лишь под конец жизни, заполнив чтением многие пробелы в своих знаниях о духовной жизни русских, он начинает понимать, что причины конфликта выходят далеко за рамки быта:

Я начинаю понимать яснее историю ваших несчастных раскольников.

Увы, это ваши невежественные и коррумпированные монахи и отшельники развратили их, и вы обязаны этим отвратительному лицемерию и предрассудкам греческих вельмож,

– отмечает он в позднем неизданном письме [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 128 об.]. Однако в начале переписки Дюваль интересуется «галантным обществом раскольников», которое пользуется невинными жертвами в лице женщин и девушек, принуждая их к незаконному сожителству вне священных уз брака. Особенно сильное впечатление производит на него эпизод из полемического сочинения св. Димитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере» о тройственном союзе супружеской пары с молодой девушкой, скрытом за благообразными проповедями «истинной» веры¹⁶. Таким образом, эта тема связывается с другой, сильно интересующей философа, – о вере, предрассудках и суевериях.

¹⁶ Это сочинение Дюваль получает от самой императрицы Екатерины II, которая отдает Соколовой свой экземпляр редкой книги [Duval, t. 1, p. 184].

Единственное средство усовершенствования русского общества, по Дювалю, это радикальные реформы, предпринятые Минервой (или, как он предпочитает ее почаще называть, Фемидой) на троне, плоды которых философ начинает видеть после долгих лет знакомства с русскими и при посредничестве его «Биби». Дюваль пишет А. Соколовой с благодарностью:

Но вы, моя красавица, чего только не сделали для меня, после того как счастливейший случай подарил мне любезное знакомство с вами! Именно благодаря вам произошло одно из главных событий моей жизни – то, что я не так уж невежественен насчет роскошной области, в которой вы обитаете. У меня были только смутные представления о ней, как у покойного аббата Шаппа, и именно вы исправили их, предоставив столь прочные и столь верные свидетельства [Duval, t. 2, p. 78].

Рассмотренные аспекты восприятия женской индивидуальности дополняют картину российской жизни, какой ее видел человек необыкновенной судьбы, философ и эрудит, авторитет для многих поколений европейцев.

Библиографические ссылки

Акимова Т. И. Литературное творчество Екатерины II: «галантный диалог» в системе авторских стратегий (истоки, функции, жанры) : дис. ... докт. филол. наук. М. : [Б. и.], 2015. 465 с.

Бильбасов В. А. История Екатерины II : [в 2 т.]. Берлин : Изд. Фр. Гройтнера, 1900. Т. 1. 659 с. Т. 2. 830 с.

Вачева А. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774) // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 4. С. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

Вачева А. Книгите събития в кореспонденцията на Валентин Жамре-Дювал и Анастасия Соколова (1762–1774) // *Дългият XVIII век 3. Хартиени революции. Ръкописните и печатни издания като идеологически инструменти*. 2020а. С. 7–18.

Вачева А. Издание переписки В. Жамре-Дюваля с А. Соколовой как пример пропагандистской политики Екатерины II // *Диалог со временем*. 2020b. Вып. 73. С. 155–167. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.006.

Кознаков С. Н. Дочь Бецкого и «философ» Дюваль // *Старые годы*. 1916. № 10–12. С. 3–73.

Майков П. М. Иван Иванович *Бецкой*: опыт его биографии. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1904. 772 с.

Мольер Ж.-Б. Собрание сочинений : в 4 т. Л. : Academia, 1937. Т. 2. 749 с.

Монтеस्कьё Ш.-Л. Персидские письма. М. : ГИХЛ, 1956. 398 с.

Письма императрицы Екатерины II к г-же Жоффрен // *СИРИО*. 1867. Т. 1. С. 253–291. РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435.

Corberon M.-D. Un diplomate français à la cour de Catherine II (1775–1780) : *Journal intime du chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie* : [in 2 t.] / *publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L.-H. Labande*. Paris : Librairie Plon, 1901. Т. 1. 366 p.

Duval V. J. *Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie* : en 2 t. St Pétersbourg &&& Strasbourg : Chez J. G. Treuttel, 1784. Т. 1. 320 p. Т. 2. 336 p.

Jamerey-Duval V. *Mémoires. Enfance et éducation d'un paysan au XVIII siècle / avant-propos, introduction, notes et annexes par J.-M. Goulemot*. Paris : Le Sycomore, 1981. 423 p.

Jamerey-Duval V. Correspondance de Valentin Jamerey-Duval, bibliothécaire des Ducs de Lorraine : [in 3 t.] / éd. critique établie par A. Courbet. Paris : Honore Champion, 2019. T. 3. 1182 p.

References

Akimova, T. I. (2015). *Literaturnoe tvorchestvo Ekateriny II: "galantnyi dialog" v sisteme avtorskikh strategii (istoki, funktsii, zhanry)* [Literary Work of Catherine II: "Gallant Dialogue" in the System of Author's Strategies (Origins, Functions, Genres)]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Moscow, S. n. 465 p.

Bil'basov, V. A. (1900). *Istoriya Ykateriny II* [History of Catherine II]. Berlin, Izdanie Fr. Groitnera. Vol. 1–2. 659 + 830 p.

Corberon, M.-D. (1901). *Un diplomate français à la cour de Catherine II (1775–1780). Journal intime du chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie in 2 t.* / publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L. – H. Labande. Paris, Librairie Plon. T. 1. 366 p.

Duval, V. J. (1784). *Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie in 2 t.* St Pétersbourg, Strasbourg, Chez J. G. Treuttel. 320 + 336 p.

Jamerey-Duval V. (2019) *Correspondance de Valentin Jamerey-Duval, bibliothécaire des Ducs de Lorraine in 3 t.* / éd. critique établie par A. Courbet. Paris, Honore Champion, 2019. T. 3. 1182 p.

Jamerey-Duval, V. (1981). *Mémoires. Enfance et éducation d'un paysan au XVIII siècle* / avant-propos, introduction, notes et annexes par J.-M. Goulemot. Paris, Le Sycomore. 423 p.

Kaznakov, S. N. (1916). *Doch' Betskogo i "filosof" Dyaval'* [Betskoy's Daughter and the Philosopher Duval]. In *Starye gody*. No. 10–12, pp. 3–73.

Maikov, P. M. (1904). *Ivan Ivanovich Betskoi: opyt ego biografi* [Ivan Ivanovich Betskoy: An Attempt at His Biography.]. St Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 772 p.

Molière, J.-B. (1937). *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works. 4 Vols.]. Leningrad, Academia. Vol. 2. 749 p.

Montesquieu, Ch.-L. (1956). *Persidskie pis'ma* [Persian Letters]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 398 p.

Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k gospozhe Geoffrin [Letters of Empress Catherine II to Mme Geoffrin]. (1867). In *SIRIO*. Vol. 1, pp. 253–291.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 181. List 16. Frants. No. 11. Dos. 1435.

Vacheva, A. (2020a). *Knigite s"bitiya v korespondentsiyata na Valentin Zhamre-Dyuval i Anastasiya Sokolova (1762–1774)* [The Books-Events in the Correspondence of Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774)]. In *D"lgiyat XVIII vek 3. Khartienni revolyutsii. R"kopisnite i pechatni izdaniya kato ideologicheski instrumenti*, pp. 7–18.

Vacheva, A. (2020b). *Izdanie perezpiski V. Zhamre-Dyuvalya s A. Sokolovoi kak primer propagandistskoi politiki Ekateriny II* [The Publication of the Correspondence of V. Jamerai-Duval and A. Sokolova as an Example of Catherine the Great's Propaganda Policy]. In *Dialog so vremenem*. Vol. 73, pp. 155–167. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.006.

Vacheva, A. (2018). *Russkie i Rossiya v perezpiske Valentina Zhamre-Dyuvalya i Anastasii Sokolovoi (1762–1774)* [The Russians and Russia in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 4, pp. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

The article was submitted on 22.01.2024